

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ КРИВОНОЖЕНКО

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник
Института языка, литературы и истории
Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Федеральный исследовательский центр «Карельский
научный центр Российской академии наук»
(Петрозаводск, Российская Федерация)
krivfed@yandex.ru

БЕЖЕНЦЫ В КАРЕЛИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ*

В XX веке этническая ситуация в Карелии неоднократно подвергалась изменению в результате внутренней и внешней миграции. Первым существенным притоком иноэтничного населения в край стало прибытие летом – осенью 1915 года беженцев из оккупированных неприятелем западных губерний. Переселенческие практики советского времени и внутренняя миграция в Карелию в 1990-х годах нашли отражение в научной литературе. В то же время пребывание беженцев на территории Карелии во время Первой мировой войны является малоизученной научной проблемой, что определяет ее новизну. Архивные и опубликованные источники проанализированы в статье посредством как общеисторических, так и статистических методов. Установлено, что численность беженцев в Карелии не превышала 550 человек, что составляло 0,1 % от численности населения края накануне войны. Несмотря на разнообразное этническое происхождение переселенцев, они не могли повлиять на национально-религиозный состав населения Карелии. Кроме того, в силу ряда факторов беженцы не внесли видимого вклада в экономику региона, хотя местные земства выступали за более активное участие переселенцев в хозяйственной жизни Карелии.

Ключевые слова: беженцы, Первая мировая война, Карелия, крестьянство, Кемский уезд, Олонецкая губерния
Для цитирования: Кривоноженко А. Ф. Беженцы в Карелии во время Первой мировой войны // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2020. Т. 42. № 8. С. 62–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.551

ВВЕДЕНИЕ

Изучение проблемы беженства в России во время Первой мировой войны является заметным направлением в отечественной историографии. Подробный анализ работ на эту тему представлен в статье Н. В. Суржиковой, Н. А. Михалева и С. А. Пьянкова [9]. Анализу отечественной и зарубежной историографии изучаемой проблемы посвящена статья И. Б. Беловой [2].

Одной из главных характеристик отечественной историографии беженства в России в период Первой мировой войны является ее ориентирование на региональный ракурс изучения [9: 140]. Основное внимание при этом уделяется регионам, присутствие беженцев в которых было наиболее ощутимым. Однако нет специальных исследований, посвященных положению беженцев на территории Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии во время Первой мировой войны. В нескольких работах эта проблема затронута в контексте анализа социально-экономического положения Олонецкой губернии в период войны. Это монография Е. Ю. Дубровской и Н. А. Кораблева «Карелия

в годы Первой мировой войны: 1914–1918» [3] и их совместная статья [6]. Об организации помощи беженцам в Олонецкой губернии речь идет в статье Е. С. Намятовой [7], а также еще в одной работе Н. А. Кораблева [5]. В соответствующей главе фундаментального труда «История Карелии с древнейших времен до наших дней» тема беженцев не отражена [4].

В отношении северной части современной Карелии, входившей в качестве Кемского уезда в состав Архангельской губернии, эта проблема не затрагивалась историками вообще. Наиболее близкой к этой теме стала обстоятельная монография Т. И. Трошиной «Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны», в которой рассмотрению проблемы беженцев в регионе отведен отдельный параграф [10: 199–212]. Вместе с тем в фокусе внимания историка оказывается в основном ситуация в Архангельске, а также дается общая информация по Архангельской губернии.

Таким образом, результат анализа имеющихся работ говорит о том, что проблема беженства в Карелии в период Первой мировой войны раз-

работана в историографии слабо. Цель данной статьи заключается в ликвидации этого пробела. Для ее достижения необходимо решить несколько задач: во-первых, изучить порядок организации в Карелии различных видов помощи беженцам; во-вторых, установить их численность, национальный состав и районы проживания до войны; в-третьих, выяснить, насколько сильным было этнокультурное и экономическое влияние появления беженцев в Карелии.

Источниковую базу исследования составили документы Национального архива Республики Карелия (далее – НАРК) и Государственного архива Архангельской области (далее – ГААО). Некоторые архивные документы были опубликованы в сборнике «Карелия в годы Первой мировой войны»¹. Немногочисленной группой источников являются материалы местных периодических изданий.

Хронологические рамки исследования – 1915–1917 годы. Географические рамки охватывают территорию Кемского уезда Архангельской губернии, а также Олонецкую губернию. Ввиду отсутствия у нас данных поездной статистики, мы вынуждены использовать все сведения, касающиеся пребывания беженцев в Олонецкой губернии.

РУКОВОДСТВО ОРГАНИЗАЦИЕЙ ПОМОЩИ БЕЖЕНЦАМ

Общая координация работы по устройству беженцев в Олонецкой губернии была возложена на губернатора М. И. Зубовского. Согласно закону «Об обеспечении нужд беженцев» от 30 августа 1915 года², он возглавлял специально созданный на уровне губернии орган для выработки и принятия решений по призрению беженцев – губернское совещание³. М. И. Зубовский вплоть до конца своего губернаторства в ноябре 1916 года последовательно сообщал центральным властям о том, что губерния не в состоянии принять значительное число переселенцев. Свое мнение чиновник подкреплял сведениями о тяжелом продовольственном кризисе в Карелии, который усугублялся нахождением на ее территории десятков тысяч вольнонаемных и военнопленных, строивших железную дорогу⁴. Кроме того, М. И. Зубовский указывал на недостаточную площадь пахотных земель для выделения наделов новым хозяйствам. Наконец, труднодоступность Карелии из-за отсутствия железной дороги делала организацию массового прибытия беженцев затратной⁵.

В Олонецкой губернии к обеспечению беженцев необходимой помощью активно подключились земство и городские самоуправления, кото-

рые объединили свои ресурсы и усилия⁶. К этому времени петрозаводский городской комитет Всероссийского Союза городов уже накопил большой опыт организационной работы такого рода благодаря решению проблем, связанных с принятием и размещением в Олонецкой губернии раненых с фронта [5: 132]. В конце августа 1915 года этот комитет организовал сбор средств и вещей в пользу беженцев, к массовому прибытию которых готовилось городское самоуправление. Поскольку основным средством сообщения Карелии с остальной страной к началу XX века оставался водный транспорт, предполагалось, что беженцы будут поступать в Олонецкую губернию пароходами из Петрограда. В связи с этим одним из мест их размещения в Петрозаводске предполагалось сделать помещение спасательной станции на берегу Онежского озера. Для этих же целей планировалось использовать здание не работавшего уже год пивоваренного завода. Среди других важных мер были организация детских приютов, открытие «Бюро труда», содействие в оказании медицинской помощи, а также организация при городской управе справочного бюро для розыска потерявшихся, которое одновременно осуществляло регистрацию беженцев [5: 382], [7: 132].

В целом олонецкое земство и городские самоуправления признавали, что полностью осуществить все запланированные мероприятия не удалось из-за оторванности Петрозаводска (как и всего карельского края) от «культурных центров»⁷. Кроме того, земства не имели полной свободы оперативных действий в вопросе призрения беженцев. Закон «Об обеспечении нужд беженцев» подразумевал согласование их деятельности в этом направлении с местным губернатором [1: 25]. Финансирование деятельности земств шло по составленным губернскими управами сметам, которые рассматривались губернским совещанием. Таким образом, земские и городские органы самоуправления по своему функционалу обладали необходимым опытом и техническими возможностями успешно организовать размещение беженцев и активно инкорпорировать их в местную экономику. Однако эффективность этой работы напрямую зависела от финансовой поддержки государства и ослабления административного контроля.

«Татьянинский комитет»⁸ (далее – Комитет) также участвовал в обеспечении беженцев в Карелии. Эта благотворительная организация пользовалась поддержкой императорской фамилии. Не случайно в Олонецкой губернии председателем губернского совета по сбору пожертвований

для Комитета был вице-губернатор А. Ф. Шидловский⁹. Во многих губерниях земские деятели крайне сдержанно оценивали работу Комитета, болезненно реагируя на любые попытки Министерства внутренних дел передать трудовые ресурсы земств под руководство Комитета¹⁰. На материалах Карелии этого противостояния не прослеживается. На наш взгляд, отсутствие таких противоречий связано с малочисленностью беженцев.

ЧИСЛЕННОСТЬ, НАЦИОНАЛЬНЫЙ И ПОЛОВОЗРАСТНОЙ СОСТАВ БЕЖЕНЦЕВ

Несмотря на то что численность беженцев в регионе была невысокой, существуют определенные трудности с подсчетом их общего числа. Сложность учета была вызвана прежде всего тем, что значительное число беженцев, прибывающих в Карелию, работало на строительстве Мурманской железной дороги. Развернувшаяся стройка находилась вне ведения администраций Олонецкой и Архангельской губерний, а потому губернаторы доподлинно не обладали информацией о численности этой категории беженцев. Запрашиваемая у соответствующих подразделений Строительного управления Мурманской железной дороги статистическая информация поступала не оперативно¹¹. Также не всегда понятно, учитывались ли запрошенные со строительства железной дороги сведения о числе беженцев при подготовке ответов на запросы Министерства внутренних дел. В ряде случаев это оговаривалось особо. Так, М. И. Зубовский сообщал в апреле 1916 года, что на территории Олонецкой губернии находятся 400 беженцев, однако, сколько при этом работает на полосе отчуждения строящейся железной дороги, ему не известно¹². Из этой оговорки можно сделать вывод, что все другие имеющиеся сведения о численности вынужденных переселенцев в губернии (приводимые цифры были меньше 400) представлялись также без учета сведений о работающих на стройке. В то же время можно предположить, что в имеющейся поузездной статистике по Архангельской губернии учтены и беженцы, работающие на сооружении железной дороги. Это предположение основано на анализе числа зафиксированных беженцев в Александровском уезде, который занимал территорию Кольского полуострова. Здесь к началу февраля 1916 года числилось 153 беженца. В то время как на территории Мезенского и Печерского уездов, природные условия в некоторых волостях которых позволяли, в отличие от Александровского уезда, ограниченно заниматься сельским хозяйством, не было ни одного. Сопоставляя эти данные, можно

прийти к выводу, что в поузездной статистике количества беженцев в Архангельской губернии, в том числе и по Кемскому уезду, были учтены данные со строящейся железной дороги.

Другой проблемой в установлении численности беженцев в Карелии является состояние источников. Сведения собирались нерегулярно и, видимо, лишь по запросу центральных органов. Отсутствие регулярно составляемой статистической картины можно объяснить немногочисленностью беженцев. Сами данные, особенно по Олонецкой губернии, в документах зачастую носят приблизительный характер, о чем свидетельствуют формулировки «человек 50» или вопросительные знаки рядом с числом. Такую неточность в целом ряде случаев можно объяснить отсутствием у губернской администрации актуальной информации.

Наконец, источниковая база не позволяет проследить за динамикой изменения количества вынужденных переселенцев в рамках всего региона. Данные, которыми мы располагаем по Кемскому уезду, хронологически не совпадают с немногочисленными сведениями, имеющимися по Олонецкой губернии.

Первые беженцы начали появляться в Карелии в конце июля 1915 года. 23 июля из Петрограда в Петрозаводск прибыли несколько семей с детьми, которые бежали из Гродненской губернии. В местной печати этот приезд назвали «первыми ласточками суровой действительности», ожидая массового появления беженцев¹³. Как и светские власти губернии, духовенство готовилось к принятию большого количества «духовных беженцев». В одном только Александро-Свирском монастыре планировалось разместить 100 семей. Всего же в монастырях, церковно-приходских школах, а также зданиях, принадлежащих духовенству в Петрозаводске, планировалось принять до 140 семей священников из западных губерний¹⁴.

На протяжении второй половины 1915 года численность беженцев в Карелии действительно росла, но не так активно, как предполагалось. По сообщению олонеккого губернатора, 8 сентября в пределах губернии находилось около 50 человек¹⁵. К концу декабря, когда губернии предоставляли сведения в Комитет для составления общеимперской статистической картины беженства, в губернии насчитывалось 328 переселенцев [7: 132]. Таким образом, их количество за 4 месяца выросло в 6,5 раза, но в абсолютном выражении оно было не столь большим, как к тому готовились власти. В начале 1916 года

число переселенцев в Олонецкой губернии стабилизировалось и далее варьировалось от 400¹⁶ человек, зафиксированных 26 апреля 1916 года, до 277 человек на 9 сентября этого же года¹⁷.

В Кемском уезде Архангельской губернии к 27 декабря 1915 года числилось 9 беженцев, однако в их число не вошли те, которые уже прибыли на работы по постройке железной дороги. Было лишь известно, что к началу 1916 года на одном из участков прокладываемой в пределах Кемского уезда дистанции пути работали 54 мужчины-беженца¹⁸. К концу января 1916 года власти все еще не располагали сведениями о количестве переселенцев, работающих на постройке железной дороги. Количество не участвующих в этих работах увеличилось и составило уже 18 человек. Наконец, всего через неделю, 5 февраля 1916 года, кемский уездный исправник Голенищев отправил архангельскому губернатору С. Д. Бибикову обновленные и значительно увеличившиеся цифры – 135 человек¹⁹. Такой резкий рост численности в течение нескольких дней можно объяснить лишь тем, что до исправника дошли запрашиваемые сведения со всех участков строящейся железной дороги на территории уезда. На этом количество беженцев стабилизировалось и составляло от 160 человек к 1 мая 1916 года (из них только 14 проживали в Кеми) до 155 человек осенью 1916 года²⁰.

Таким образом, суммарная численность беженцев в Олонецкой губернии и Кемском уезде составляла 500–550 человек, то есть 0,1 % от населения этой территории в 1913 году.

В половозрастном составе беженцев в Карелии отмечались разные тенденции. Если в Кемском уезде было зафиксировано лишь двое детей в возрасте до 15 лет (2 % от численности всех беженцев уезда), то в пределах Олонецкой губернии детей насчитывалось 145 (43 %). Аналогичная ситуация сложилась и с женщинами. В Кемском уезде их было лишь 9 (6 %), а в Олонецкой губернии – 123 (37 %). Ситуация с беженцами мужского пола в северной Карелии отличалась от таковой в южной Карелии. В Кемском уезде 92 % беженцев были мужского пола и почти все (за исключением одного мальчика) – работоспособного возраста. В Олонецкой губернии мужчин было лишь 20 % от численности всех беженцев²¹. Такой половозрастной состав свидетельствует о том, что в Олонецкую губернию в эвакуацию отправлялись в основном женщины с детьми. В то же время в Северную Карелию прибывали беженцы-мужчины трудоспособного возраста без семей. Их главная цель заключалась в заработках

на строящейся железной дороге. В пределах Олонецкой губернии также находилось некоторое количество переселенцев, устроившихся на эту стройку, но об этом можно судить лишь по косвенным свидетельствам²².

Во время войны в Карелии были зарегистрированы беженцы из 16 губерний России, а также из Галиции. Среди них – все губернии Северо-Западного края, шесть губерний Царства Польского (Варшавская, Люблинская, Сувалкская, Холмская, Калишская, Келецкая), две из трех Остзейских губерний (Курляндская и Лифляндская), а также Волынская и Херсонская губернии. Представителей многих губерний из этого списка были единицы: например, зафиксировано лишь по два человека из Калишской, Могилевской и Сувалкской губерний, по одному из Люблинской, Келецкой и Херсонской губерний. На рис. 1 представлена информация о тех губерниях, из которых в Карелию прибыло наибольшее число беженцев.

Значительная часть беженцев прибыла в Карелию из Гродненской губернии. Затем идут Ковенская и Витебская губернии. Статистика также фиксирует заметное присутствие в Кемском уезде выходцев из Виленской губернии. Наконец, среди польских губерний наибольшее количество беженцев прибыло в Карелию из Холмской губернии.

Перед анализом этнического состава вынужденных переселенцев, прибывших в край, необходимо в общих чертах охарактеризовать существовавшую в начале XX века в Карелии этно-конфессиональную картину. Поуездная статистика, которая ложилась в основу ежегодных обзоров губерний, является важным, но недостаточно емким источником. Мы используем ее как дополнение к материалам всероссийской переписи населения 1897 года. В Олонецкой губернии численно преобладали русские (78,2 %) и карелы (16,3 %). В Кемском уезде доля карелов была выше (54,4 %), чем русских (45 %). Помимо этих народов, на исследуемой территории проживали вепсы, а также некоторое количество финнов. С учетом этих народов суммарный удельный вес русских, карелов, вепсов и финнов как в Олонецкой губернии, так и в Кемском уезде стремился к 100 %. Доля представителей других национальностей составляла в крае лишь 0,2–0,4 % [8: 18]. Так, украинцев насчитывалось 63 человека, белорусов – 42 (при этом в Кемском уезде – лишь один украинец и ни одного белоруса). Литовцев и латышей в общей сложности – лишь 32 человека. На этом фоне несколько большей была численность поляков – 308 и евреев – 438 человек²³. Почти все они жили в Олонецкой губернии.

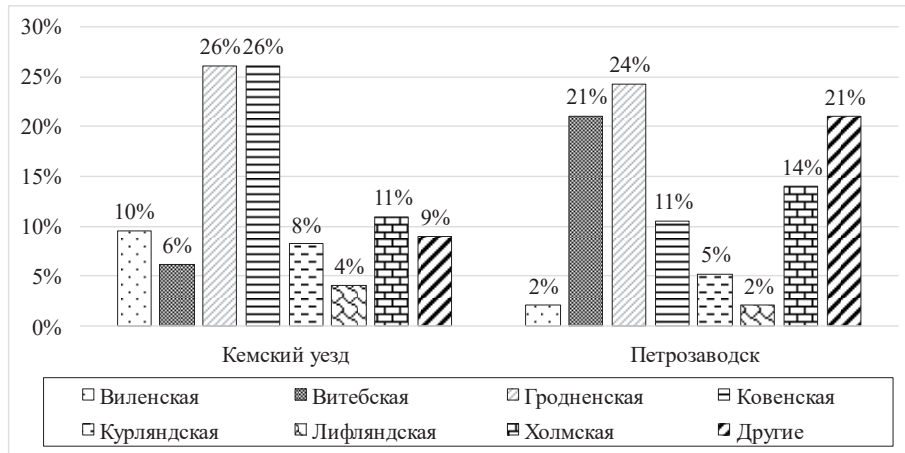

Рис. 1. Распределение беженцев по месту жительства до войны
Figure 1. Distribution of refugees by place of residence before the war

Конфессиональная принадлежность местного населения отличалась еще большей однородностью. Так, в 1897 году 98,3 % населения причисляли себя к православным и 0,8 % к старообрядцам. Аналогичная ситуация сложилась и в Кемском уезде, но здесь гораздо больше людей принадлежало к старообрядцам – 6,32 %, а 93,2 % были приверженцами официального православия. Католики и лютеране были крайне немногочисленны и проживали в основном в городах. Доля первых варьировалась от 0,1 % в Олонецкой губернии до 0,03 % в Кемском уезде. Численность лютеран была несколько больше за счет финнов: 0,7 % в Олонецкой губернии и 0,36 % в Кемском уезде Архангельской губернии²⁴.

Все губернии, из которых в Карелию приехали беженцы, к Первой мировой войне являлись

густонаселенными территориями с многонациональным и многоконфессиональным населением. Анализ национального состава беженцев в Карелии представлен на рис. 2 (использованы сведения по Кемскому уезду на 1 мая 1916 года и по Олонецкой губернии на 1 января 1916 года). Эти документы – самые хронологически близкие из тех, где содержится информация о национальности вынужденных переселенцев. Для сравнения представлены сведения по Петрозаводску (мы располагаем данными лишь за 1917 год).

Прежде всего нужно отметить, что под термином «русские» в дореволюционной традиции подразумевались не только русские, но также белорусы и украинцы. В дальнейшем мы будем использовать это обобщающее для нескольких этносов название.

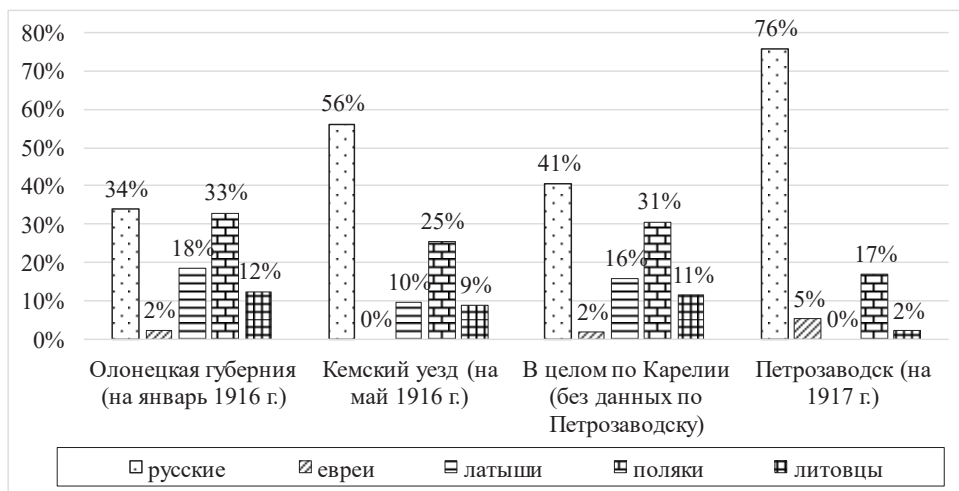

Рис. 2. Распределение беженцев по национальному составу
Figure 2. Distribution of refugees by ethnic origin

Национальный состав беженцев в Карелии определялся этнической картиной тех территорий, которые были оккупированы врагом в 1915 году. Все четыре диаграммы указывают на преобладание русских в национальной структуре беженства. На наш взгляд, речь идет в первую очередь о белорусах, которые численно или преобладали, или являлись одним из доминирующих этносов в таких губерниях, как Виленская, Гродненская и Витебская²⁵. Согласно рис. 1, численность в Карелии беженцев из этих губерний была существенной. Меньше среди переселенцев, записанных в качестве русских, было украинцев, которые составляли до четверти довоенного населения Гродненской и Холмской губерний. Удельный вес собственно русских в категории «русские» не мог быть высоким, поскольку численность русскоязычного населения на оккупированных территориях была несравненно меньше численности белорусов и украинцев. Второй по численности этнической группой являлись поляки, которые проживали не только в польских губерниях, но также играли заметную роль в формировании этнической картины в Северо-Западном крае. Польские и северо-западные губернии были одними из главных центров проживания еврейского населения в России. В большинстве губерний, отмеченных на рис. 1, доля евреев превышала 10 % от численности местного населения. В связи с этим статистика зафиксировала беженцев этой национальности в Карелии.

РАЗМЕЩЕНИЕ И ОБЕСПЕЧЕНИЕ БЕЖЕНЦЕВ. ОТНОШЕНИЕ МЕСТНОГО НАСЕЛЕНИЯ

Олонецкая губерния и Кемский уезд были отдаленными, труднодоступными территориями, с гораздо более суровым климатом и менее плодородными землями, чем в Польше и Белорусии. Тем не менее многие беженцы попадали сюда не только в поисках заработка на постройке железной дороги или по воле случая. Документы свидетельствуют о том, что женщины (с детьми или уже пожилого возраста), а в некоторых случаях и мужчины приезжали в Карелию к родственникам. При этом и сами родственники зачастую не являлись коренным населением: это были или рабочие на строительстве железной дороги, или политические ссыльные. Численность последних в Олонецкой губернии во время войны снизилась в сравнении с предшествующим десятилетием и составляла 150–170 человек [11: 121]. Например, из Волынской губернии прибыли две крестьянки с детьми для проезда к своим мужьям, высланным под надзор полиции в Повенецкий уезд Олонецкой губернии²⁶. 55-летний крестьянин

Сувалякской губернии С. О. Мочульский направлялся в октябре 1915 года в село Реболы, где он отбывал ссылку в 1900–1903 годах²⁷. Крестьянин Ковенской губернии Ф. Г. Рутковский прибыл с женой в Олонецкий уезд и проживал в доме родственника – местного земского фельдшера Шушкевича. Крестьянка Виленской губернии А. И. Сперова приехала с двумя детьми в родовой дом своего мужа – крестьянина Пудожского уезда С. Я. Сперова. В течение 15 лет до войны он работал каменщиком в Вильно, но с началом военных действий был мобилизован²⁸. О том, что большинство беженцев нашли приют в семьях родственников, указывал в своих отчетах и губернатор М. И. Зубовский²⁹.

В силу объективных причин (возраст, болезни, дети, отсутствие родственников) многие беженцы в первые месяцы после прибытия на новое место жительства находились в непростом финансовом положении. Женщины с детьми, чьи мужья были мобилизованы на фронт, имели небольшой, но стабильный источник дохода: они по-прежнему получали пособия на себя и детей³⁰. Разовую помощь в размере от 5 до 30 руб. выплачивали беженцам местные органы самоуправления. Однако денежный фонд на эти нужды был исчерпан уже в 1916 году, а круг получателей включал лишь 17 человек³¹. Другим источником пособий стал денежный фонд, который формировался из пожертвований жителей Олонецкой губернии. Фонд находился в оперативном управлении губернатора, а пособия из него выдавались адресно, после рассмотрения обращения.

В нашем распоряжении нет статистических данных относительно конфессионального состава беженцев. Однако то, что переселенцы прибыли из польских и северо-западных губерний, косвенно говорит о том, что среди них было значительное количество католиков. Отдельные свидетельства о беженцах-католиках встречаются и в архивных делах³². Несмотря на то что их общая численность не могла превышать несколько сотен человек, администрация Олонецкой губернии внимательно относилась к их религиозным нуждам. М. И. Зубовский обратился в 1916 году в Департамент духовных дел иностранных исповеданий о выделении пособия для капеллана по Олонецкой губернии Грасса, поскольку после прибытия беженцев-католиков количество его поездок резко увеличилось³³.

В источниках недостаточно сведений, которые могли бы пролить свет на отношение местных жителей к беженцам. Вице-губернатор А. Ф. Шидловский, обращаясь осенью 1915 года

к крестьянам, призывал жертвовать в их пользу одежду, обувь, средства из мирских капиталов и даже продавать дефицитный в Карелии хлеб³⁴. В отдельных случаях население оказывало адресную помощь семьям беженцев. Так, жители Няндомы собрали для 25-летней беженки П. С. Козорезовой с двумя малолетним детьми средства для проезда к брату в Кенозерскую волость³⁵. Жители края также жертвовали средства в указанный выше фонд, однако его размеры были малы. Общественная помощь переселенцам в Карелии была невелика. Это связано с тем, что их прибытие во второй половине 1915 года проходило уже не на фоне патриотического подъема, как в 1914 году, а на фоне нарастающего кризиса, вызванного затянувшейся войной. Кроме того, многие беженцы жили у родственников, а люди трудоспособного возраста старались самостоятельно найти средства к существованию. Учитывая малочисленность (особенно на фоне десятков тысяч военнопленных и наемных рабочих из других губерний и стран, которые работали во время войны в Карелии) беженцев и экономическую необременительность их проживания, местные сохраняли лояльное отношение к этой небольшой группе иноязычного и неправославного населения.

УЧАСТИЕ БЕЖЕНЦЕВ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ КАРЕЛИИ

В документах неоднократно указывается на то, что сразу же после прибытия в Карелию работоспособные беженцы старались найти себе заработок. Как уже было сказано, значительная часть мужчин устраивалась на работы по сооружению железной дороги.

Кемский уезд являлся одним из центров лесопильной промышленности. К началу XX века здесь работало несколько крупных лесозаводов. Некоторые из беженцев нашли рабочие места на них. Так, в селе Кереть работали две беженки-католички, получавшие жалование в размере 30 рублей каждая. На лесозаводе в Ковде работали три мужчины-беженца³⁶. В единичных случаях переселенцы получали место, аналогичное тому, на котором они работали до переезда. Прежде всего речь идет об эвакуированных с семьями служащих различных ведомств. Служащий лесничества из Курляндской губернии Н. А. Станишевский был эвакуирован вместе с семьей из Риги в июле 1915 года и работал в одном из лесничеств Олонецкой губернии, получая жалование в размере 1600 руб. в год³⁷. Однако этот случай был исключением. По мнению М. И. Зу-

бовского, работу в Карелии (кроме строительства железной дороги, на которую принимали физически крепких мужчин) могли бы найти себе лишь слесари, мастеровые, печники, кожевники и сапожники³⁸.

Использовать наемный труд беженцев планировалось на Александровском заводе. Для расширения его производственных мощностей в Петрограде в начале августа 1915 года планировалось завербовать до 100 человек, обладающих необходимой квалификацией³⁹. В нашем распоряжении нет свидетельств о том, сколько именно переселенцев было привлечено на работу на завод. Можно предположить, что это были единицы: во-первых, в Петрозаводске к 1917 году проживало только 95 беженцев; во-вторых, значительная часть квалифицированных рабочих с негосударственных предприятий была мобилизована в начале войны на фронт⁴⁰.

Государство создавало условия для участия беженцев в сельскохозяйственных работах на новом месте жительства. Для таких работ разрешалось формировать группы по возможности с однородным этнорелигиозным составом. Кроме того, в отличие от других видов заработка, работающие в сельском хозяйстве переселенцы сохраняли за собой казенный продовольственный паек и пособие на жилье⁴¹. Земства Олонецкой губернии возлагали на них большие надежды для преодоления кризиса рабочей силы в карельской деревне. По данным на 1917 год, 51,8 % крестьян работоспособного возраста в губернии были мобилизованы⁴². Часть мужчин ушли на заработки на строительство железной дороги. Стоимость наемного труда резко возросла. Того количества беженцев, которое находилось в Олонецкой губернии, не хватало для ликвидации дефицита рабочих рук в сельском хозяйстве. По мнению М. И. Зубовского, из 100 беженцев трудоспособного возраста лишь некоторые были готовы к полевым работам⁴³. Земство Каргопольского уезда весной 1916 года отправило губернатору несколько запросов с просьбой организовать доставку в уезд 24 жатвенных машин, а также приезд беженцев для сельскохозяйственных работ. Планировалось привлечь 250 мужчин и 250 женщин и подростков. При условии питания за счет работодателя работнику полагался 1 руб. в день для мужчин, 60 коп. для женщин и 30 коп. подросткам до 17 лет. Местный взрослый наемный работник получал на тех же условиях 1 руб. 33 коп. в день⁴⁴. В мае 1916 года губернатор передал первую часть просьбы в Министерство земледелия, но привлечение переселенцев посчитал

затруднительным «ввиду отдаленности этого уезда». М. И. Зубовский по-прежнему считал, что губерния не готова к приезду большого числа беженцев. По его мнению, собственных ресурсов, а также частичной механизации труда должно было хватить для полевых работ в 1916 году. Таким образом, участие беженцев в экономической жизни Карелии оказалось минимальным.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Анализ имеющихся источников позволяет говорить о том, что в Карелии, как и в других тыловых губерниях, помощь в организации приема и обеспечения беженцев осуществлялась одновременно с нескольких сторон. Прежде всего важную роль играли администрации губерний. Известную помощь оказывали «Татьянинский комитет», земства и городские самоуправления Олонецкой губернии. При этом, если во многих земских губерниях земства, Комитет и губернские администрации дублировали свои функции и даже конкурировали между собой, то на материалах Олонецкой губернии такие противоречия не были ярко выраженными, хотя и фиксировались. В частности, губернатор М. И. Зубовский последовательно выступал против прибытия новых партий беженцев, а земства настаивали на их привлечении для участия в сельскохозяйственных работах.

Непростой является задача определения численности переселенцев в Карелии во время войны. Согласно нашим подсчетам, их общее чис-

ло в Карелии (с учетом всех уездов Олонецкой губернии) не превышало 550 человек. По сравнению с центральными губерниями это количество было невелико. Несмотря на сравнительную малочисленность, среди беженцев были представители 16 губерний, а также Галиции. Наиболее многочисленными были группы из Гродненской, Ковенской и Витебской губерний. Большинство беженцев по национальности были белорусами, значительным было также число поляков, литовцев, латышей. Важно отметить, что до войны представители этих народов в Карелии почти не фиксировались (за исключением немногочисленной группы поляков). Благодаря малочисленности беженцев их присутствие не создавало межэтнических или межконфессиональных конфликтов с местным населением. Эта группа дополнительного для Карелии населения терялась на фоне многотысячного многонационального контингента строителей железной дороги. Аналогичный вывод сделан и об участии беженцев в экономике региона. Малочисленность, значительное количество женщин и детей, а также позиция губернской администрации затрудняли привлечение переселенцев к полевым работам.

За рамками задач статьи остается проблема реэвакуации беженцев с территории Карелии, которая началась летом 1918 года. Во многом она тесно связана с организацией возвращения в свои страны военнопленных. Эти проблемы нужно решать комплексно в рамках отдельной статьи.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плановой темы «Карелия в условиях мира и войны (от Средневековья до наших дней)». Номер госрегистрации: АААА-А18-118030190093-9.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Карелия в годы Первой мировой войны: Сборник документов и материалов. Петрозаводск, 2014. 494 с.
- ² Закон об обеспечении нужд беженцев // Сборник важнейших законоположений и распоряжений, действующих с 1 июля 1914 года по 1 января 1916 года, вызванных обстоятельствами военного времени. Пг., 1916. С. 494–498.
- ³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 67.
- ⁴ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 26–26 об.
- ⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 24.
- ⁶ Отчет Петрозаводского губернского комитета Всероссийского Союза городов с 3 мая по 1 ноября 1915 г. // Известия Общества Изучения Олонецкой губернии. 1916. Т. 7, № 1–2. С. 67.
- ⁷ Там же. С. 71.
- ⁸ Благотворительная организация под патронатом императорской фамилии, созданная для оказания помощи беженцам.
- ⁹ Обращение олонеккого вице-губернатора А. Ф. Шидловского к крестьянам Олонецкой губернии об оказании помощи беженцам // Олонецкие епархиальные ведомости. 1915. № 28. С. 528.
- ¹⁰ Щепкин М. М. Беженцы и организация помощи им в связи с работами Особого совещания. [М.], 1916. С. 42.
- ¹¹ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 318.
- ¹² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 95.
- ¹³ Карелия в годы... С. 313.
- ¹⁴ Там же. С. 314.

- ¹⁵ Там же. С. 315.
- ¹⁶ Вероятно, это завышенное и округленное число. Об этом свидетельствует то, что уже через несколько дней в черновом варианте ответной телеграммы в МВД рядом с числом 400 стоял знак вопроса и указано «менее 300» (НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 95, 100). Вместе с тем, возможно, это предположительное число с учетом беженцев, работающих на сооружении железной дороги в пределах Олонецкой губернии.
- ¹⁷ Карелия в годы... С. 320.
- ¹⁸ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 289, 318.
- ¹⁹ Там же. Л. 392, 429.
- ²⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 195, 195 об.; Оп. 8. Т. 1. Д. 2684. Л. 35.
- ²¹ Там же. Оп. 4. Т. 5. Д. 1478. Л. 195 об.; Карелия в годы... С. 317.
- ²² НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/31. Л. 33.
- ²³ Первая всеобщая перепись Российской Империи 1897 г. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?cy=0> (дата обращения 30.04.2020).
- ²⁴ Там же.
- ²⁵ Там же.
- ²⁶ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 175.
- ²⁷ Там же. Л. 105.
- ²⁸ Там же. Л. 103.
- ²⁹ Карелия в годы... С. 317.
- ³⁰ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 103 об.
- ³¹ Карелия в годы... С. 320.
- ³² НАРК. Ф. 2. Оп. 15. Д. 34/516; ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 329.
- ³³ Карелия в годы... С. 329.
- ³⁴ Обращение олонецкого вице-губернатора... С. 528.
- ³⁵ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18/732. Л. 73.
- ³⁶ ГААО. Ф. 1. Оп. 8. Т. 1. Д. 2675. Л. 329, 392.
- ³⁷ Карелия в годы... С. 319.
- ³⁸ НАРК. Ф. 1. Оп. 3. Д. 18 / 732. Л. 26–26 об.
- ³⁹ Карелия в годы... С. 142.
- ⁴⁰ Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2014. С. 137.
- ⁴¹ Руководящие положения по устройству беженцев. Пг., 1916. С. 9, 11.
- ⁴² Головин Н. Н. Россия в Первой мировой войне. С. 143.
- ⁴³ НАРК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 123/11. Л. 100.
- ⁴⁴ Там же. Л. 56 об., 81 об.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баженова К. Е. Деятельность организаций Всероссийского земского союза и Всероссийского союза городов Пермской губернии по оказанию помощи беженцам в годы Первой мировой войны // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 12. История. Вып. 45. С. 21–27.
2. Белова И. Б. Основные проблемы российского беженства 1915–1925 гг. в отечественной и зарубежной историографии // Вопросы истории. 2017. № 11. С. 156–164.
3. Дубровская Е. Ю., Кораблев Н. А. Карелия в годы Первой мировой войны: 1914–1918. СПб.: Нестор-История, 2017. 425 с.
4. История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. 944 с.
5. Кораблев Н. А. Общественное движение помощи фронту и жертвам боевых действий в Карелии в годы Первой мировой войны // Первая мировая война и Европейский Север России. Архангельск: САФУ, 2014. С. 377–385.
6. Кораблев Н. А., Дубровская Е. Ю. Влияние Первой мировой войны на социально-экономическую жизнь населения Карелии // Труды Карельского научного центра РАН. 2015. № 8. С. 28–38.
7. Намятова Е. С. Благотворители Олонецкой губернии в годы Первой мировой войны // Человек в истории: героическое и обыденное. Петрозаводск: Петрозаводский государственный университет, 2012. С. 129–133.
8. Покровская И. П. Население Карелии. Петрозаводск: Карелия, 1978. 192 с.
9. Суржикова Н. В., Михалев Н. А., Пьянков С. А. Российское беженство 1914–1922 годов в контекстах новейших отечественной и зарубежной историографии // Вестник Пермского университета. 2012. Вып. 3. С. 140–152.
10. Трошина Т. И. Великая война и Северный край: Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск: САФУ, 2014. 344 с.
11. Шумилов М. И. За счастье народное. Петрозаводск: Карельское книжное издательство, 1967. 147 с.

Поступила в редакцию 21.05.2020

Alexander F. Krivonozhenko, PhD in History, Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences
(Petrozavodsk, Russian Federation)
krivfed@yandex.ru

REFUGEES IN KARELIA DURING THE FIRST WORLD WAR*

In the twentieth century, the ethnic situation in Karelia repeatedly changed because of internal and external migration. The first significant influx of non-ethnic population into the region was the arrival of refugees from the enemy-occupied western provinces in the summer and autumn of 1915. Migration practices of the Soviet era and internal migration to Karelia in the 1990s were reflected in the research literature. At the same time, the presence of refugees in Karelia during the First World War is a little-studied issue, which determines the novelty of the article. The author analyzes archival and published sources using both general historical and statistical methods. It was established that the number of refugees in Karelia did not exceed 550 people, which was 0.1 % of the region's population on the eve of the war. Despite the diverse ethnic origin of the immigrants, they could not significantly affect the ethnic and religious composition of the population of Karelia. In addition, it was found that due to a number of factors the refugees did not make any visible contribution to the economy of the region, although local zemstvos wanted to see more active participation of migrants in the economic life of Karelia.

Keywords: refugees, World War I, Karelia, peasantry, Kem uezd, Olonets province

* The study was conducted as part of the project No AAAA-A18-118030190093-9 of the Karelian Research Centre of the Russian Academy of Sciences.

Cite this article as: Krivonozhenko A. F. Refugees in Karelia during the First World War. *Proceedings of Petrozavodsk State University*. 2020. Vol. 42. No 8. P. 62–71. DOI: 10.15393/uchz.art.2020.551

REFERENCES

1. Bazhenova K. E. Activities of the All-Russian Zemstvo Union and the All-Russian Union of the Perm Province Cities aimed at assisting refugees during the First World War. *Chelyabinsk State University Bulletin*. 2011. No 12. History Science. Issue 45. P. 21–27. (In Russ.)
2. Belova I. B. The main problems of Russian refugee 1915–1925 in domestic and foreign historiography. *Voprosy istorii*. 2017. No 11. P. 156–164. (In Russ.)
3. Dubrovskaya E. Yu., Korablev N. A. Karelia during the First World War. 1914–1918. St. Petersburg, 2017. 425 p. (In Russ.)
4. History of Karelia from ancient times to the present day. Petrozavodsk, 2001. 944 p. (In Russ.)
5. Korablev N. A. Public movement to help the front and victims of combat in Karelia during the First World War. *World War I and the European North of Russia*. Arkhangelsk, 2014. P. 377–385. (In Russ.)
6. Korablev N. A., Dubrovskaya E. Yu. The effects of World War I on socioeconomic life of the population of Karelia. *Proceedings of Karelian Research Centre of the Russian Academy of Science*. 2015. No 8. P. 28–38. (In Russ.)
7. Namyatova E. S. Philanthropists of Olonets province during the First World War. *People in history: the heroic and the ordinary*. Petrozavodsk, 2012. P. 129–133. (In Russ.)
8. Pokrovskaya I. P. Population of Karelia. Petrozavodsk, 1978. 192 p. (In Russ.)
9. Surzhikova N. V., Mikhalev N. A., P'yankov S. A. Russian refugedom of 1914–1922 in the contexts of the latest native and foreign historiographies. *Perm University Herald. History*. 2012. Issue 3. P. 140–152. (In Russ.)
10. Troshina T. I. Great war and northern region. European North of Russia during the First World War. Arkhangelsk, 2014. 344 p. (In Russ.)
11. Shumilov M. I. For the happiness of people. Petrozavodsk, 1967. 147 p. (In Russ.)

Received: 21 May, 2020